

пытаний. В процессе обучения важно предъявлять высокую требовательность к слушателям, побуждать их любить Отчизну, чувствовать ответственность за судьбу своего государства, честно служить на благо страны на своем месте, высокопрофессионально выполнять свои должностные обязанности. В послевоенные годы в условиях тотального дефицита руководство республики изыскивало средства для развития учебной и материально-технической базы РПШ, и сегодня эти вопросы должны быть первичны в развитии национальной системы подготовки управленческих кадров.

Список использованных источников

1. Последствия Великой Отечественной войны для Беларуси / Архивы Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archives.gov.by/index.php?id=697135>.
2. История белорусской государственности: В 5 т. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларуская навука, 2019. – Т. 4: Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.) / А. А. Коваленя [и др.]; отв. ред. Н. Б. Нестерович. – С. 436–452.
3. Люцко, А. В. Деятельность Компартии Белоруссии по подбору, подготовке и воспитанию руководящих кадров республики в 1943–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.570 – История КПСС / А. В. Люцко; Белорусский государственный университет. – Минск, 1972 г. – 22 с.
4. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 508. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 2–18.
5. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 508. – Оп. 5. – Д. 126. – Л. 1–46.
6. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 508. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 20–46.
7. Сорокина, О. Национальный вопрос на исходе Второй мировой войны и в послевоенные годы (1944–1950) / О. Сорокина // История. – 2000. – № 42. – С. 11–16.
8. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 508. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 112.
9. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 508. – Оп. 8. – Д. 1–162.

(Дата подачи: 19.02.2020 г.)

И. И. Янушевич

Белорусский государственный университет, Минск

I. I. Yanushevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 341.251.1.-232.37

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КОМИССИИ ПРИ ЦК РКП(б) (1922–1925 ГГ.)

THE MAIN ACTIVITIES OF THE ANTI-RELIGIOUS COMMISSION UNDER THE CENTRAL COMMITTEE OF THE RCP(B.) (1922–1925)

В статье проводится анализ деятельности антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) по проведению в жизнь государственной политики по отношению к религии

и церкви. Установлено, что комиссия принимала все ключевые решения по церковным вопросам в данный период. Представленные в комиссии ведомства наиболее активно обеспечивали проведение информационно-пропагандистской и оперативно розыскной работы. Определено, что принимаемые там решения носили секретный характер и опирались на «революционную целесообразность», а не на конституционные нормы. Исследованы механизмы вмешательства партийных и государственных органов во внутренние дела религиозных организаций.

Ключевые слова: антирелигиозная комиссия; Православная церковь; атеистическое воспитание.

The article analyzes the activities of the anti-religious commission under the Central Committee of the RCP(b) on the implementation of state policy in relation to religion and the church. It was established that the commission made key decisions on church matters. The departments represented in the commission took the most active part in conducting outreach and investigative work. It was determined that the decisions made there were of secret nature and were based on "revolutionary expediency" rather than on constitutional norms. The article explores the mechanisms of intervention of party and state bodies in the internal affairs of religious organizations.

Key words: anti-religious commission; Orthodox Church; atheistic education.

Социально-политические преобразования после революционных событий 1917 г. в Российской империи требовали формирования новой модели государственно-церковных отношений. Партия большевиков провозгласила курс на ликвидацию религии и церкви, однако, именно идеалистическое мировоззрение в стране Советов все равно оставалось доминирующим, а церковные структуры самыми организационно эффективными. Для борьбы с ними, как и с прочими не согласующимися с идеологией большевизма структурами и мировоззренческими позициями, новое политическое руководство страны предполагало задействовать как публичные, так и негласные способы воздействия. Особо активно АРК работала и принимала наиболее знаковые решения в 1923–1925 гг. Роль компартии и органов государственной безопасности в данном процессе стала предметом научных исследований только после открытия секретных архивных фондов соответствующих организаций и выхода в свет сборников документов в конце 1980-х начале 1990-х гг. [1–3]. Свет увидели целый ряд трудов, основывающихся на максимально возможной источниковой базе [4–6].

Следует отметить, что многие в руководстве новой власти полагали, что эти институты – колосс на глиняных ногах. Во-первых, В. И. Ленин и многие его единомышленники были уверены, что религиозные организации – это некие бизнес-проекты, не реализуемые в неблагоприятных условиях. Особенно это касалось Православной церкви, иудеев и мусульман. И на самом деле имевшийся исторический материал рисовал достаточно неприглядную для восприятия картину хозяйственной деятельности конфессий. Являясь составной частью социально-политической жизни государств, религиозные культы выполняли и административно-распорядительные функции, а средства к существованию кроме сборов, пожертвований за выполнение религиозных действий получали путем эксплуатации населения и в виде государственных

дотаций. Поэтому сразу же после переворота на контролируемой большевиками территории шел тотальный отъем собственности у религиозных организаций, имущество, земли национализировались, священнослужители массово уничтожались [7, с. 83–91].

Вторым благоприятным фактором считалось расцерковление населения империи. Формализма при определении отношения к религии на самом деле было достаточно. Государство фактически навязывало гражданам обязательность приверженности к культу даже при наличии у него атеистического мировоззрения. Порой среди священнослужителей были люди, не верующие в Бога. Два этих основных фактора давали лидерам большевиков надежду на быстрое и достаточно безболезненное для них низведение религии и церкви до несущественных институтов в общественно-политической жизни социалистического общества.

Созданный в мае 1918 г. в составе Народного комиссариата юстиции РСФСР восьмой «церковный» отдел получил название «ликвидационный». На него были возложены функции по уничтожению административно-управленческих структур религиозных организаций. Само название «ликвидационный» было характерно для данного периода и подразумевало быструю победу новых форм общественных взаимоотношений социалистического толка. Отдел занимался подготовкой инструкций и циркуляров в области государственной церковной политики, осуществлялся общий надзор за выполнением декретов и постановлений [8, с. 12–14].

Однако, к началу 1920 г. стало очевидным, что стоящих перед властью задач в области церковной политики система наркомата юстиции исполнить не в состоянии. Отдел был не в состоянии обеспечить единообразное исполнение законодательства. На местах властями реализовывались зачастую прямо диаметрально противоположные формы взаимоотношений с религиозными организациями. Не знание или нежелание исполнения декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от церкви» приводило к полной остановке отъема церковной собственности, или, наоборот, к его исполнению в самых жестких формах. Атеистическое наступление в годы гражданской войны и интервенции носило ярко выраженный репрессивный характер. Лидеры большевиков предполагали стремительными силовыми мерами на протяжении одного-двух лет покончить с религиозностью населения. Насадить социализм штурмовыми методами не удалось. «Богоборство» и «попоедство» оказались неэффективны. Религиозные организации приспосабливались к жизни в новых экономических условиях, а напряженная ситуация в стране укрепляла в вере одних и возвращала в лоно церкви многих отошедших и раскаявшихся.

Стало очевидным, что управлять столь сложным процессом должна более мощная структура и при непосредственном руководстве партии. И на самом деле законотворчество и правоприменительная практика, основанная на верховенстве закона, исполнении положений Конституции и здравом

смысле эффективной быть не могла. Без участия органов госбезопасности и партийных функционеров была опасность или действовать в правовом поле и нанести минимальный ущерб приспособившимся к новым религиозным структурам, или максимально радикализировать ситуацию сплошными резкими мерами, чем вызвать озлобление верующих. Необходим был орган, который смог бы наименее безболезненно для властей вести работу против религии и церкви в крайне сложной общественно-политической ситуации. Следует отметить, что комиссии так или иначе решающие церковные вопросы в 1919–1922 гг. создавались достаточно часто. В основном это делалось для решения какой-то конкретной задачи. Это была общая практика принятия и реализации управленческих решений в условиях формирования системы органов государственного управления, разграничения их полномочий и распределения функциональных обязанностей. [9, л. 15]. Комиссии по изъятию и учету церковных ценностей, комиссия при отделе агитации и пропаганды (АПО) при ЦК РКП(б) создавались по всей вертикали власти, однако были скорее чрезвычайными органами с неустойчивым составом [10, л. 6].

Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) приступила к своей работе в октябре 1922 г. Наиболее часто употребляемым названием комиссии было «Антирелигиозная комиссия» (АРК). Важным для изучения вопроса является представительство и борьба за руководство комиссией. Состав комиссии отражал в себе расклад сил в политических элитах государства в данный политический момент. Главным антирелигиозником в 1922 г. являлся, безусловно, Л. Д. Троцкий. У него были серьезные «достижения»: массовое уничтожение священнослужителей; кампании по вскрытию мощей и изъятию церковных ценностей [11, с. 75–79]. Троцкий обладал весомым влиянием на радикально настроенных партийцев и особенно на комсомол. В. И. Ленин высоко ценил достижения «демона революции» в организации антирелигиозной пропаганды. Он же являлся и одним из инициаторов раскола в РПЦ. Выдвинутые в состав антирелигиозной комиссии товарищи единогласно поддерживали инициативу обратиться в Политбюро с просьбой ввести в состав в качестве председателя Л. Д. Троцкого [3, с. 5–7]. Однако, председателем был назначен его помощник Н. Н. Попов, через 4 месяца замененный на сторонника И. В. Сталина Е. М. Ярославского. По словам Л. Д. Троцкого В. И. Ленин чрезвычайно критично относился к организаторским способностям данного выдвиженца [12, с. 231]. Таким образом, крайне радикальные силы были отстранены от непосредственного управления органом, вносящим предложения по реализации церковной политики в высшие партийные инстанции. Хотя все равно там преобладали старые большевики-ленинцы, не всегда еще согласные с позицией стремящегося к получению всей полноты власти И. В. Сталина. Многие из них работали во временных комиссиях по церковным делам в 1920–1922 гг. Главная роль в АРК принадлежала ГПУ, АПО ЦК РКП(б) и пятому (до 1922 г. – восьмому) отделу НКЮ РСФСР [2, с. 320].

Основными направлениями деятельности АРК становятся формирование конфессионального поля страны, взятие под контроль органов церковного управления и организация информационно-пропагандистской деятельности.

Первоочередной комплексной задачей было управление расколом в РПЦ. Церковь была лишена своего движимого и недвижимого имущества. Фактически была парализована система управления. В 1922 г. активно реализовывались мероприятия по передаче церковной власти религиозным структурам, способным организовать полноценную деятельность Церкви в атеистическом государстве, которые по названию своих движений и лозунгов назывались «живцами» или «обновленцами» [13, с. 217–224]. Первым вопросом, скорее всего, первого протокола заседания АРК «Об общих церковных работах» рассматривались меры связанные с борьбой со сторонниками патриарха Тихона и необходимости активизации деятельности их оппонентов обновленцев [2, л. 31]. Для легитимации Обновленцев было решено оказать содействие в формировании церковноприходских советов на местах. В том числе для проведения организационных мероприятий власти предусматривали и финансовую поддержку [3, с. 41–43]. Так же планировалось оказать помощь обновленцам при отъеме ими богослужебных зданий и иных помещений от тихоновцев [3, с. 45–47, 68]. Властями поддерживались священники, имевшие проблемы с церковной дисциплиной, стремящихся к разного рода нововведениям и решению личных интересов. Государство не признавало и не регистрировало руководящие органы РПЦ. Церковные суды были вне закона. Точечные аресты хотя и затрудняли процесс управления церковной жизнью, но не были критичны. Большинство приговоров духовенству выносилось на 3 или 5 лет ссылки в Севкрай или заключения в концлагеря [2, с. 327].

В данной ситуации центральной становится личность патриарха Тихона, который снискал искреннюю любовь многомиллионной паствы как внутри страны, так и за рубежом. Опытный кормчий вел свой корабль в чрезвычайных условиях достойно русского патриарха и эффективного менеджера. Если свой пастырский крест он четко знал как нести и соответствовал этому, то уловить тенденции политического развития государства, похоже, не удавалось никому. Радикализм властей, порой, зашкаливал. Открытое сопротивление было невозможно и грозило значительными жертвами. Избранная патриархом тактика соблюдения канонов и догматов православия и демонстративная аполитичность находила массовую поддержку у верующих, которые, в свою очередь, активно сопротивлялись нововведениям, насаждаемым так называемыми обновленцами и созданным ими Высшим церковным управлением (ВЦУ) [13, с. 219]. Заключение патриарха под стражу в мае 1922 г. позволило обновленцам заставить перейти на свою сторону часть тихоновцев, однако, в АРК понимали, что это временное явление. Некоторые иерархи были вынуждены это сделать под угрозой расправы (что автоматически передавало кафедру обновленцам), некоторые планировали «возглавить» раскол и повести его в каноническое русло.

Необходимы были гарантии того, что с тихоновщиной вскоре будет покончено. Дело патриарха планировалось закончить еще в 1922 г. 30.01.1923 г. АРК принимает решение выдвинуть против патриарха обвинение по 4 пунктам, за каждый из которых грозила высшая мера революционной законности [3 с. 36–37, 41–45]. Одновременно комиссией предпринимались меры по легитимации обновленцев посредством проведения «Поместного Собора» православной церкви. И этап подготовки и само мероприятие, и количественный состав руководства обновленческого Высшего церковного управления указывали на неустойчивость данной конструкции. Обвинения Патриаршей Церкви в закостенелости и контрреволюционности из уст «красных попов» были крайне неубедительны. Смерть же патриарха Тихона делала его в глазах верующих мучеником. Всему миру советская власть продемонстрировала бы явные гонения на религию и церковь в СССР [14, с. 78, 109].

Комиссией летом 1923 г. разработан еще один план использования патриарха в подрыве авторитета православной церкви. Предполагалось, что под угрозой сметной казни Тихон подпишет воззвание о полной своей лояльности к правящему режиму, прежней контрреволюционной позиции и желании нормализовать положение Церкви в советском государстве. По мнению членов АРК это подорвало бы авторитет тихоновцев и устранило бы препятствия для объединения с раскольниками. АРК в итоге 26 июня 1923 г. приняла решение освободить патриарха Тихона из под стражи [3, с. 83]. Однако, оказавшись на свободе, патриарх, «раскаявшись» в контрреволюционности направил все свои силы для борьбы с ВЦУ. Верующих его «обращения» никоим образом не смутили. Но стало понятно, что предстоятель предполагал всю вину за «контрреволюционные деяния» взять на себя, что, наоборот, еще больше подняло его авторитет, и не только у православных. Соблазнившиеся в раскол клирики, видя пример настоящего пастырского служения, массово приносили покаяния.

АКР тем временем решает расколоть единство тихоновцев, показать их зависимость от властей, а то и схожесть позиций с ВЦУ путем внесения изменений в церковный календарь [3, с. 10–102]. (Кроме политического в данном вопросе существенным был и хозяйственный фактор. Многие церковные праздники оставались еще нерабочими днями. Некоторые обновленческие приходы праздновали их уже по новому, а основная масса по старому стилю, что наносило определенный экономический ущерб). В принципе переход на новоюлианский стиль (не Григорианский. – *Я. И.*) патриарх допускал и в своем послании от 1 октября 1923 г., где изложил условия для реализации календарной реформы [15, с. 386]. Для ее осуществления в 1923 г. необходимо было дать разъяснения на места до 15 ноября 1923 г., чтобы сохранить полноту рождественского поста. Однако, властям нужен был скандал, а не реформа. Воззвания Тихона с разъяснением канонических оснований предстоящих изменений были ОГПУ задержаны в типографии. Синод без разъяснений на местах посылать не стал указа о изменении церковного календаря. Властями

же послание было напечатано после минимально возможной даты и разослано, однако, без указа патриарха (кроме Московской епархии) на местах его никто не стал исполнять. В итоге расчет АРК на внесение раздора в ряды тихоновцев не оправдался [3, с. 104–106, 111–112].

Для удержания власти большевикам необходимо было сформировать систему мер по минимизации военно-стратегических, экономических и пропагандистских возможностей своих оппонентов, количество которых значительно превышало число сторонников. Руководить этим процессом могла только компартия. Задача перед исполнителями стояла чрезвычайно сложная. Необходимо было расчищать площадку для строительства человека нового типа. Главной задачей антирелигиозников стало привлечение в ряды материалистически настроенных граждан как можно большего количества верующих и в первую очередь из числа православных христиан. Первейшую роль в этом процессе должно было сыграть естествознание «проникнутое идеями воинствующего атеизма». Необходимо было организовать систематическую атеистическую пропаганду и обеспечить ее качественное сопровождение [3, с. 100, 102, 110, 112]. При всем обилии поводов для критики религии и церкви задача эта была не из простых. Созидающие начала были громадны. «Христианство в его православном исповедании определило всю систему ценностных ориентаций русского человека, общественную, хозяйственную, этическую и другие стороны жизни» [16, с. 168]. Население, особенно старшее поколение, понимало их роль и в жизни человека, и в жизни государства. Именно духовно-нравственное значение религии определялось подавляющим большинством граждан как залог развития и существования. Для того что бы «обгадить» религию и церковь и иметь с этого положительным пропагандистский эффект нужен был серьезным информационный повод. Травля началась уже в 1917 г., но только в 1922 г. создается специальная комиссия, на основе которой была сформирована АРК и начала осуществляться системная, целенаправленная работа. Антирелигиозникам предстояло показать религию и церковь в таком виде, что бы верующие от нее незамедлительно отвернулись и отказались. Большевикам предстояло показать отрицательную роль религии и церкви во всех сферах жизни, как простого советского гражданина, так и социалистического государства, да и человечества в целом. Церковь и религия должны были стать в представлении людей главным препятствием к нормальному существованию.

Руководство АРК предполагало, что если добавить в эту сложную систему взаимоотношений верующих с клиром компромат, разоблачающий важнейшие стороны организации церковно-приходской жизни, то процесс отхода от религии значительно усилится. Партийным руководством было принято несколько постановлений о приоритетности агитационно-пропагандистской работы в борьбе с религиозностью населения. В дальнейшем они постоянно повторялись в решениях высших партийных структур, но смысл их был неизменным – «религиозные предрассудки» (религиозные верования – Я. И. И.)

чужды советскому обществу. В головах людей необходимо было сформировать устойчивые представления о неарелистичности всего, что нельзя было осязать органами чувств человека. Однако единства по вопросу форм и методов организации антирелигиозной пропаганды даже в высших эшелонах безбожников не было. АРК вынуждена была внимательно следить за содержанием издаваемой антирелигиозной литературы, публикациями в газетах и журналах. Редактированию подвергались как атеистические произведения, так и тексты некоторых религиозных печатных органов [3, с. 12–13, 41–45]. Причем, идеологически невыдержанные публикации в официальной прессе были явлением достаточно частым и с серьезным имиджевыми и пропагандистскими последствиями.

Таким образом, проведенное исследование показало, что АРК стала в 1922–1925 гг. центром разработки важнейших решений в области государственной политики в отношении Православной церкви и организации атеистической пропаганды. Обсуждение вопросов и обмен информацией основных исполнителей всего комплекса мероприятий по церковным вопросам в целом позволило реализовывать политику соответствующую интересам властей как внутри страны, так и за рубежом. Комиссия определила регулирование коммуникаций внутри культов и редактирование их решений одним из важнейших направлений деятельности.

Список использованных источников

1. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Изд. Библейско-Богословского инст. святого апостола Андрея, 1996. – 218 с.
2. Архивы Кремля. Политбюро и церковь 1922–1925 / сост. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. – М.; Новосибирск, 1997. – Кн. 1. – С. 414–417.
3. Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / сост. В. В. Лобанов. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. – 381 с.
4. *Алексеев, В. А.* Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР / В. А. Алексеев. – М.: Россия молодая, 1992. – 246 с.
5. *Кривова, Н. А.* Власть и церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства / Н. А. Кривова. – М.: АИРО-XX, 1997. – 247 с.
6. *Петров, С. Г.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.) / отв. ред. Н. Н. Покровский. – М.: РОС-СПЭН. – 2004. – 408 с.
7. *Шкаровский, М. В.* Русская Православная Церковь в XX веке / М. В. Шкаровский. – М.: Вече, Лепта, 2010. – 480 с.
8. *Гидулянов, В. П.* Церковь и государство по законодательству РСФСР. Сборник Указаний и Распоряжений с разъяснениями VI Российский государственный архив социально политической истории. – Фонд 17. – Оп. 60. – Д. 148.
9. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 559.
10. *Янушевич, И. И.* Конфессиональная политика советского государства: уроки истории (1917–1928) / И. И. Янушевич. – Минск: БГУ, 2005. – 143 с.

11. *Троцкий, Л. Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии / отв. за выпуск А. В. Дмитриев. – М.: Панорама, 1991. – 624 с.
12. *Цыпин, В.* Русская Церковь (1917–1925) / В. Цыпин. – М.: Изд-е Сретенского монастыря, 1996. – 335 с.
13. *Поспеловский, Д. В.* Русская Православная Церковь в веке / Д. В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. – 351 с.
14. Следственное дело Патриарха Тихона: сб. док. по материалам Центрального архива ФСБ РФ / Правосл. Свято-Тихоновский богосл. ин-т; отв. сост. Н. А. Кривова. – М.: Памятники исторической мысли, 2000. – 1016 с.
15. *Кузнецов, С. В.* Нравственность и религиозность хозяйственной деятельности русского крестьянства / С. В. Кузнецов. // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. – М.: Наука, 2001. – С. 168–182.

(Дата подачи: 17.02.2020 г.)